УДК 811.161.1’373 DOI 10.37972/chgpu.2026.132.3.011

Е. К. Николаева, Икунь Сюй

КРИЧАТЬ КАК СУМАСШЕДШИЙ: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ИНТЕНСИВНОСТИ В СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №26-18-00372 «Большой синонимический словарь диалектной фразеологии»: народная фразеология в системно-семантической лингвокультурографической репрезентации», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Аннотация. Статья посвящена анализу семантики интенсивности в структуре устойчивых сравнений русского языка на примере единиц с субстантивированными прилагательными, обозначающими девиантное состояние человека: *кричать / орать / вопить как сумасшедший, безумный, ненормальный.* Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к категории интенсивности и семантической диффузности фразеологизмов. Цель работы – показать, как в устойчивых сравнениях синонимического ряда ‘громко кричать’ происходит взаимодействие прямого (‘психически больной’) и переносного (интенсифицирующего) значений, продемонстрировать семантический синкретизм подобных языковых единиц и подчеркнуть роль контекста в определении их значения, а также выявить роль глагола-основания сравнения. Материалом послужили 15 устойчивых сравнений, извлеченных из лексикографических источников и контексты их употребления из Национального корпуса русского языка. Основными методами исследования стали методы компонентного и контекстуального анализа. Результаты демонстрируют, что в большинстве контекстов на первый план выходит сема интенсивности (‘очень громко’), осложненная дополнительными оттенками ‘истошно’, ‘истерично’, ‘панически’, ‘неконтролируемо’. Патологический компонент прямого значения прилагательных частично стирается, но сохраняется в виде коннотаций. Глагольное основание активно участвует в формировании общего значения устойчивого сравнения, усиливая его экспрессивность. Стереотипные представления о гиперактивности психически нездорового человека способствуют превращению анализируемых сравнительных компонентов в интенсификаторы.

Ключевые слова: *устойчивые сравнения, интенсивность, семантика, семантическая диффузность, контекст, фразеология*

E. K. Nikolaeva, Yikun Xu

SCREAMING LIKE A MADMAN: THE SEMANTICS OF INTENSITY IN THE MEANING STRUCTURE OF STABLE COMPARISONS

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Acknowledgement

This research was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 26-18-00372, “Comprehensive Synonymic Dictionary of Dialectal Phraseology: Folk Phraseology in Systemic-Semantic and Linguoculturographic Representation”) and conducted at Saint Petersburg State University.

Abstract. This article analyzes the semantics of intensity within Russian stable comparisons, specifically focusing on substantivized adjectives denoting deviant mental states, such as “to scream like a madman”. The study’s relevance stems from contemporary linguistics’ interest in the category of intensity and the semantic diffuseness inherent in phraseological units. The research aims to demonstrate the interaction between the literal meaning (“mentally ill person”) and the figurative intensifying meaning within these comparisons, while identifying how the verbal base influences the expression. The dataset includes 15 stable comparisons extracted from lexicographic sources and the Russian National Corpus, examined through componential and contextual analysis. The findings indicate that, in most contexts, the intensity seme (“very loudly”) comes to the fore, complicated by additional nuances such as “exhaustingly”, “hysterically”, “panically” and “uncontrollably”. The pathological component of the adjectives’ literal meaning is partially obscured, but persists in the form of connotations. The verbal stem plays an active role in shaping the overall meaning of the fixed comparison, enhancing its expressiveness. Stereotypical notions of the hyperactivity of a mentally unwell person contribute to the transformation of the comparative components under analysis into intensifiers.

Keywords: *stable comparisons, intensity, semantics, semantic diffuseness, context, phraseology*

Введение. Категория интенсивности реализуется в русском языке различными языковыми средствами: фонетическими, словообразовательными, морфологическими, лексическими, синтаксическими (см. работы [10], [2], [19], [5], [20], в том числе устойчивыми словосочетаниями. Устойчивые словосочетания с интенсифицирующей семантикой, суть фразеологические единицы (ФЕ) в широком понимании фразеологии, неоднократно становились объектом исследования лингвистов (см., напр., [4], [22], [23], [19] и др.). По мнению С. Е. Родионовой, со значением интенсивности в ФЕ совмещается семантика эмоциональности и оценочности, что делает их одними из самых ярких и экспрессивных языковых единиц: *реветь благим матом*, *лить как из ведра*, *душа в пятки ушла*, *до белого каления*, *с души воротит* и т. п. [19, с. 310]. Зиновьева Е. И., Николаева Е. К., Селиверстова Е. И., исследуя ФЕ периода с XVI–XVII вв. до новейшего времени с интенсифицирующей семантикой, построенные по модели «*до* + существительное в Р. п.», отмечают, что эти единицы вызывают затруднения при лексикографическом описании в силу семантического синкретизма – совмещения прямого значения с новым интенсифицирующим и невозможности их четкой дифференциации в контексте [6]. Это наблюдение относится и к устойчивым сравнениям (УС), которые являются объектом анализа в данной статье. На особенности семантики подобных сравнений обратил внимание еще В. М. Огольцев, отметив, что в качестве образа **В** (сравнительного компонента) в подобных структурах (выражающих, по его мнению, не качественную, а количественную характеристику) выступают обычно экспрессивные, оценочные слова: ср. как *шальной*, как *безумный*, как *дурак* и проч. [16, с. 131]. Подобные слова исследователи-семасиологи относят к «экспрессивам» с ослабленной денотативной семантикой и усматривают в них явление «семантической диффузности» [10, с. 33].

УС с субстантивными прилагательными *сумасшедший, безумный, ненормальный* представляют собой динамичный пласт русской фразеологии, чутко реагирующий на изменения в языковом сознании. Они служат не только для экспрессивной характеристики действий человека, но и отражают глубинные культурные коды, связанные в русской лингвокультуре с восприятием нормы и патологии, разума и безумия, порядка и хаоса.

Цель данной работы – на примере УС с субстантивированными прилагательными, обозначающими девиантное состояние человека, продемонстрировать семантическую диффузность подобных языковых единиц и подчеркнуть роль контекста в определении их значения. Контекст мы понимаем как «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы» [21, с. 238]. В рамках контекста мы пытались обнаружить и использовать тот набор

лексических средств, который помогает говорящему / пишущему представить фразеологическое значение УС или его смысловые нюансы, – то, что В. М. Мокиенко и А. М. Мелерович назвали «фразеологическим актуализатором» [11, с. 246].

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность работы обусловлена вниманием современных лингвистов к процессам, связанным с категорией интенсивности в современном русском языке. Эта категория находит яркое выражение в семантике УС – одного из самых значительных по объему разрядов ФЕ, которые при этом «существенно отличаются от фразеологизмов-идиом, причем не только структурой, но прежде всего особым суперсегментным значением, которое является выражением представления об индивидуальном признаке предмета, а через его уподобление другому предмету **В**», отмечает Е. В. Огольцева [17, с. 52], опираясь на концепцию В. М. Огольцева.

Практически все УС содержат в структуре своего значения интенсифицирующий компонент. По мнению Л. А. Лебедевой, некоторые из них являются чистыми интенсификаторами (*голодный как волк, как зверь*), фактически утратившими всякий элемент реального сравнения. В других такое живое сравнение еще ощущается (ср.: *худой как жердь (и высокий)*, *худой как скелет (и страшный)* и *худой как глиста (и бледный, противный*) [9, с. 31]. Встречаются и такие, в которых «образный смысл опирается как на логико-предметное содержание устойчивого сравнения, так и на прямое значение других компонентов сравнительной формулы»: *душно как в бане*, *безвкусный как трава* [9, с. 32].

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили УС, извлеченные методом сплошной выборки из «Словаря устойчивых сравнений русского языка» В. М. Огольцева [15], «Словаря сравнений русского языка» В. М. Мокиенко [12], в которых в качестве сравнительного компонента выступают субстантивированные прилагательные, обозначающие девиантное поведение человека *(сумасшедший, безумный, ненормальный)*. В качестве контекстов употребления УС привлекался иллюстративный материал из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [13]. Вслед за И. В. Кузнецовой, внесшей значительный вклад в исследование компаративных фразеологических единиц, мы понимаем под УС трехкомпонентные, раздельнооформленные (при семантической целостности), воспроизводимые, устойчивые в семантическом, формально-структурном и функциональном плане, выражающие логическую операцию сравнения, экспрессивные, образные единицы с прозрачной внутренней формой [7, с. 19–25]. При этом, также как И. В. Кузнецова, считаем основание сравнения (компонент **С**) полноценным воспроизводимым компонентом УС, а не словом-сопроводителем, выражающим «признак» сравнения [8]. Основные методы исследования – анализ компонентов и анализ контекстов.

Результаты исследования и их обсуждение. Стереотипное представление о психически нездоровом или девиантном поведении включает в себя такие признаки, как: высокая скорость, хаотичность и суетливость передвижения; чрезмерная интенсивность, резкость и неконтролируемость физических действий; громкий, истошный, истерический крик; безудержный, часто неуместный истерический смех [14, с. 575]. В данной статье рассмотрены 15 УС синонимического ряда, входящего во фразеосемантическую группу «Звуки, издаваемые человеком», с глаголами-основаниями сравнений *кричать / закричать, орать / заорать*, *вопить / завопить* и сравнительными компонентами *безумный, сумасшедший, ненормальный*.

Анализ материала показал, что УС этой группы развивают основное значение ‘очень громко’ (что обусловлено и семантикой глагольного основания УС, что будет показано ниже), которое часто осложняется дополнительными семантическими оттенками ‘истошно’; ‘истерично, панически’. По данным словарей отмечено одинаковое значение для УС *кричать / закричать, орать / заорать, вопить / завопить как сумасшедший / безумный / ненормальный*: «Неодобр. О чьем-л. очень громком, истошном, паническом или истерическом крике» [12, с. 421]. Мы видим, что автор словаря сравнений отмечает

в их значении дополнительные семы, которые могут отражать тот самый «патологический компонент» [1, с. 490], элементы психического заболевания. Это подтверждают и примеры употребления в НКРЯ: *Представляешь, он никому не дает здесь убираться! Тут у него свой какой-то порядок, к которому мы, женщины, не должны прикасаться. Однажды Лейла по наивности здесь прибрала, так он ее чуть не убил!* ***Орал***, ***как ненормальный***, *швырял* в нас всем, что под руку подворачивалось [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника. 2012].

В «Большом толковом словаре» С. А. Кузнецова (БТС) слово *орать* – «1. Издавать громкие крики, вопли; плач (о человеке). Истошно о. О. изо всех сил. О. что есть мочи. О. от боли. О. от страха. 2. Неодобр. Говорить слишком громко, кричать. Говори тише, не ори. 3. на кого. Громко, переходя на крик, бранить кого-л.; ругать» [3, с. 290]. В данном примере глагол *орать* демонстрирует дифференциальные признаки в противопоставлении нейтральному *кричать*, что обусловлено необходимостью передать аффективный, неконтролируемый характер крика, напрямую связанный с физической агрессией и неадекватным поведением (*убить*, *швырять*), и соответствует словарной помете *неодобр*. и третьему значению глагола – ‘громко ругать’. УС *орать как ненормальный* выступает как семантический интенсификатор, а компонент патологичности и иррациональности, актуализирующийся при этом, указывает на отклонение от социальных и психических норм. Крик описывается как истерический, неконтролируемый, сопровождаемый хаотичными действиями. Это соответствует и семантике прилагательного *сумасшедший,* по наблюдениям В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной, акцент делается на внешних, беспорядочных, шумных проявлениях, а не на глубинной иррациональности [18, с. 120].

А Адольф метался по поляне, как зверь по клетке. Меня избил сильно, пару зубов вышиб... А потом он ***закричал*** *в небо,* ***как безумный****, пистолет выхватил и нас обоих застрелил* [Ольга Рэйн. Айя шамана Арбузова. 2015]. В БТС слово *закричать* имеет 2 значения: «1. Начать кричать, издать крик. З. от боли. З. благим матом // Разг. Издать громкий, резкий звук (о машине, механизме). 2. Громко произнести, прокричать что-л.» [3, с. 754]. В данном примере глагол совершенного вида *закричать* акцентирует момент внезапного начала действия, его резкий, импульсивный характер, что полностью соответствует описанию перехода от яростного быстрого передвижения, затем физического насилия – избиения («метался, избил, вышиб») к спонтанному, иррациональному эмоциональному взрыву, направленному в абстрактное пространство («в небо»). Таким образом, глагол *закричать* передает не просто интенсивность звука, а мгновенный переход в состояние неконтролируемого крика, полного боли и ярости, семантически усиленный УС *закричать как безумный*, что в совокупности создает образ стремительного, почти автоматического жеста отчаяния и ярости человека, потерявшего разум от сильных переживаний. В целом контекст описания подтверждает частичное сохранение в сравнительном компоненте прямого значения, усиленного семой интенсивности.

Я натужился изо всей мочи, стиснул зубы и чуть было не потерял сознание, и слышу, переводчик говорит: «Пулю уже достали, надо теперь гнездо очистить; там действительно получилось окисление, и скопился гной». Все это очищали, выскабливали, и боль была невыносимая, так что как я ни крепился, но, однако, не выдержал и стал ***вопить****,* ***как сумасшедший*** [Ф. И. Шикутц. Дневник. 1905]. В БТС слово *вопить* – «Разг.-сниж. Издавать вопли; громко и протяжно кричать, петь, плакать и т. п.» [3 , с. 149]. В данном примере глагол *вопить* в отличие от нейтрального *кричать* и маркированного *орать*, акцентирует протяжный, неконтролируемый крик, вызванный физическим страданием, невыносимой болью, когда «очищали» и «выскабливали» рану, предшествующими попытками сдержаться («как я ни крепился») и последующей потерей контроля («не выдержать») – это результат превышения порога боли. В данном случае в УС *вопить как сумасшедший* на первое место выходит интенсифицирующая семантика, ведь это вполне нормальная

и понятная реакция человека в подобной ситуации. Однако образ сумасшедшего, использованный автором, в описании этого крика, подчеркивает не только его громкость и силу, но и неуправляемость сознанием.

Процесс стирания значения ‘психически больной’ в сравнительном компоненте УС можно наблюдать и в других сравнениях со значением ‘об очень громком, неконтролируемом крике’: *Я наполовину пролезла, беспомощно болтала в воздухе ногами, а он все еще* ***громко орал как ненормальный*** *и выкрикивал новые и новые ругательства* [Л. Гурченко. Аплодисменты. 1994–2003]. В данном примере УС используется для описания громкого, неконтролируемого крика, сопровождаемого агрессивным поведением («выкрикивал ругательства»). Здесь крик указывает не на психическое заболевание, а скорее на крайнюю степень эмоциональной несдержанности, истеричности, безрассудства: *громко орать как ненормальный* = ‘очень громко орать’. Образ «ненормального» здесь служит процессу интенсификации, усиливая представление о нарушении социальных норм поведения, а не медицинским диагнозом.

Вдруг я почувствовал, что лежу в луже… Лед! – ***завопил я как сумасшедший****. Лед!* [Ю. И. Коринец. Там, вдали, за рекой. Повесть о дяде. 1987]. Ситуация (внезапное осознание опасности, паника) объясняет крик как реакцию на экстремальные обстоятельства. Здесь «патологический компонент» полностью отсутствует, сравнительный компонент УС (*сумасшедший*) используется как чистый интенсификатор, выражающий максимальную степень громкости звука от испуга, паники (‘чрезвычайно громко, безудержно’), усиливает эмоциональную окраску крика, делая его не просто громким, а экстремальным по силе и тону.

Выводы. На вышеприведенных примерах функционирования этих единиц в текстах мы можем наблюдать, как прямое значение субстантивированных прилагательных сравнительной части УС стирается и на первый план выходит сема интенсивности, свойственная переносному значению, однако патологический компонент значения хоть и отступает на задний план, однако частично сохраняется в добавочных семах ‘истерично’, ‘безудержно’, ‘иррационально’, ‘панически’ и т. п. Значение глагола-основания сравнения активно участвует в формировании общего значения УС и в ряде случаев способствует его интенсификации.

Возможно, в связи с тем, что стереотипное представление о психически больном человеке связано прежде всего с его гиперактивностью, сема интенсивности действия в значении субстантивированных прилагательных проявляется почти во всех глагольных УС и способствует превращению сравнительных компонентов в интенсивы благодаря стиранию семы «сумасшествия» или «патологического компонента» значения в образах сравнительной части.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова З. Е*. Словарь синонимов русского языка. – М. : Русский язык, 2001. – 567 с.
2. *Арнольд И. В*. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения // Герценовские чтения. – Л. : ЛГУ, 1970. – С. 87–90.
3. Большой толковый словарь русского языка (БТС) / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
4. *Давыдова О. Л*., *Федорова В. П*. Семантика интенсивности в структуре значения процессуальных фразеологизмов // Вестник Южно-Уральского ГУ. Серия: Лингвистика. – 2006. – № 6. – Вып. 3. – С. 107–110.
5. *Ермакова О. П*. Гипербола и смежные с ней явления : монография – М. : ФЛИНТА, 2020. – 72 с.
6. *Зиновьева Е. И*., *Николаева Е. К*., *Селиверстова Е. И*. Фразеологизмы с интенсифицирующей семантикой в русском языке: динамический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2025. – Т. 16. – № 3. – С. 656–670). – DOI 10.22363/2313-2299-2025-16-3-656-670
7. *Кузнецова И. В*. Персонажи Библии в славянских устойчивых сравнениях. – Чебоксары : Чувашский гос. пед. ун-т, 2017. – 212 с.

8. *Кузнецова И. В*. Устойчивые сравнения русского языка (в сопоставлении с украинскими и сербохорватскими): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03. – СПб., 1995. – 14 с.

9. *Лебедева Л. А*. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии: автореф. дис. … доктора филол. наук : 10.02.01. – Краснодар, 1999. – 34 с.

10. *Лукьянова Н. А*. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Вып. V. – Новосибирск : НГУ, 1976. – С. 12–41.

11. *Мелерович А. М*., *Мокиенко В. М*. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 484 с.

12. *Мокиенко В. М*. Словарь сравнений русского языка: 11000 единиц. – СПб. : Норинт, 2003. – 603 с.

13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL : https://ruscorpora.ru (дата обращения: 15.04.2026).

14. *Николаева Е. К*. Стереотипные представления о поведении психически нездорового человека (на материале русских устойчивых сравнений) // Наука СПбГУ-2023. – СПб. : СПбГУ, 2023. – С. 572–575.

15. *Огольцев В. М*. Словарь устойчивых сравнений русского языка: (синонимо-антонимический). – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2001. – 800 с.

16. *Огольцев В. М.* Устойчивые сравнения в системе фразеологии. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 178 с.

17. *Огольцева Е. В*. Синонимия устойчивых сравнений в русском языке. – М. : Директ-Медиа, 2025. – 420 с.

18. *Рахилина Е. В*., *Плунгян В. А*. Безумие как лексикографическая проблема (к анализу прилагательных *безумный* и *сумасшедший*) // Логический анализ языка: Ментальные действия. – М. : Наука, 1993. – С. 120–126.

19. *Родионова С. Е*. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. – Вып. 2. – М. : МАКС Пресс, – 2004. – 608 с.

20. *Сандакова М. В*. Дешевый до безобразия (о развитии одной группы интенсификаторов в русском языке XXI века) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное. – М. : ФЛИНТА, 2021. – С. 719–730.

21. *Торсуева И. Г*. Контекст // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 238–239.

22. *Федоров А. И*. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М. : Астрель : АСТ. 2008. – 828 с.

23. *Федорюк А. В*. Функционально-прагматические аспекты фразеологических интенсификаторов в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук : 10.02.04. – Иркутск, 2001. – 20 с.

Статья поступила в редакцию 13.05.2026

REFERENCES

1. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka. – M. : Russkij yazyk, 2001. – 567 s.

2. Arnol'd I. V. Emocional'nyj, ekspressivnyj, ocenochnyj i funkcional'no-stilisticheskij komponenty leksicheskogo znacheniya // Gercenovskie chteniya. – L. : LGU, 1970. – S. 87–90.

3. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka (BTS) / pod red. S. A. Kuznecova. – SPb. : Norint, 2000. – 1536 s.

4. Davydova O. L., Fedorova V. P. Semantika intensivnosti v strukture znacheniya processual'nyh frazeologizmov // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo GU. Seriya: Lingvistika. – 2006. – № 6. – Vyp. 3. – S. 107–110.

5. Ermakova O. P. Giperbola i smezhnye s nej yavleniya : monografiya – M. : FLINTA, 2020. – 72 s.

6. Zinov'eva E. I., Nikolaeva E. K., Seliverstova E. I. Frazeologizmy s intensificiruyushchej semantikoj v russkom yazyke: dinamicheskij aspekt // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – 2025. – T. 16. – № 3. – S. 656–670). – DOI 10.22363/2313-2299-2025-16-3-656-670

7. Kuznecova I. V. Personazhi Biblii v slavyanskih ustojchivyh sravneniyah. – Cheboksary : Chuvashskij gos. ped. un-t, 2017. – 212 s.

8. Kuznecova I. V. Ustojchivye sravneniya russkogo yazyka (v sopostavlenii s ukrainskimi i serbohorvatskimi): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.03. – SPb., 1995. – 14 s.

9. Lebedeva L. A. Ustoĭchivye sravneniya russkogo yazyka vo frazeologii i frazeografii: avtoref. dis. … doktora filol. nauk : 10.02.01. – Krasnodar, 1999. – 34 s.

10. Luk'yanova N. A. O sootnoshenii ponyatij ekspressivnost', emocional'nost', ocenochnost' // Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya. – Vyp. V. – Novosibirsk : NGU, 1976. – C. 12–41.

11. Melerovich A. M., Mokienko V. M. Semanticheskaya struktura frazeologicheskih edinic sovremennogo russkogo yazyka. – Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2008. – 484 s.

12. Mokienko V. M. Slovar' sravnenij russkogo yazyka: 11000 edinic. – SPb. : Norint, 2003. – 603 s.

13. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. – URL : https://ruscorpora.ru (data obrashcheniya: 15.04.2026).

14. Nikolaeva E. K. Ctereotipnye predstavleniya o povedenii psihicheski nezdorovogo cheloveka (na materiale russkih ustojchivyh sravnenij) // Nauka SPbGU-2023. – SPb. : SPbGU, 2023. – S. 572–575.

15. Ogol'cev V. M. Slovar' ustojchivyh sravnenij russkogo yazyka: (sinonimo-antonimicheskij). – M. : Russkie slovari : Astrel' : AST, 2001. – 800 s.

16. Ogol'cev V. M. Ustojchivye sravneniya v sisteme frazeologii. – M. : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. – 178 s.

17. Ogol'ceva E. V. Sinonimiya ustojchivyh sravnenij v russkom yazyke. – M. : Direkt-Media, 2025. – 420 s.

18. Rahilina E. V., Plungyan V. A. Bezumie kak leksikograficheskaya problema (k analizu prilagatel'nyh bezumnyj i sumasshedshij) // Logicheskij analiz yazyka: Mental'nye dejstviya. – M. : Nauka, 1993. – S. 120–126.

19. Rodionova S. E. Intensivnost' i ee mesto v ryadu drugih semanticheskih kategorij // Slavyanskij vestnik. – Vyp. 2. – M. : MAKS Press, – 2004. – 608 s.

20. Sandakova M. V. Deshevyj do bezobraziya (o razvitii odnoj gruppy intensifikatorov v russkom yazyke XXI veka) // Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: nacional'noe i internacional'noe. – M. : FLINTA, 2021. – S. 719–730.

21. Torsueva I. G. Kontekst // Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'. – M. : Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 1998. – S. 238–239.

22. Fedorov A. I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka. – M. : Astrel' : AST. 2008. – 828 s.

23. Fedoryuk A. V. Funkcional'no-pragmaticheskie aspekty frazeologicheskih intensifikatorov v sovremennom anglijskom yazyke: dis. … kand. filol. nauk : 10.02.04. – Irkutsk, 2001. – 20 s.

The article was contributed on May 13, 2026

Сведения об авторах

Николаева Елена Каировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, https://orcid.org/0000-0002-2449-3490, elena_kairovna@mail.ru

Сюй Икунь – магистрант 2 курса филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, younajk4@gmail.com

Author Information

Nikolaeva, Elena Kairovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Teaching Methods, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, https://orcid.org/0000-0002-2449-3490, elena_kairovna@mail.ru

Xu Yikun – Second-year Master's Degree Student, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia younajk4@gmail.com